

Археология и история Боспора. Сборник статей, Крымиздат, 1952, 252 стр., тираж 2000 экз., цена 8 р. 60 к.

Керченский историко-археологический музей проявил ценную инициативу, выпустив юбилейный сборник работ по истории и археологии Восточного Крыма и Таманского полуострова. За 125 лет своей работы Керченский музей внес огромный вклад в нашу отечественную историческую науку. Многообразная работа Музея и тесная связь его с учеными — исследователями Боспора — нашла отражение и в опубликованном сборнике.

Сборник открывается статьей директора Музея Ф. Т. Гусарова, посвященной юбилейной дате. В этой статье читатель знакомится с историей Музея, его раскопчной деятельностью, работой по охране памятников и ближайшими задачами. Со статьей Ф. Т. Гусарова тесно связана и завершающая сборник статья зам. директора Музея Л. И. Чистовой, в которой дано описание богатых фондов Музея публикуется несколько ценных памятников (новые приобретения) и указываются планы работы Музея в области хранения, исследования и издания памятников.

Три статьи — В. Ф. Гайдукевича, В. Д. Блаватского и М. М. Худяка — посвящены результатам многолетних раскопок, проводившихся при участии Музея. В статье В. Ф. Гайдукевича «Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий» сообщаются результаты раскопок Мирмекия, Тиритаки и Илурата; данные этих раскопок проливают свет на производство, быт и культуру жителей Боспора на протяжении всей его истории. Интересны исторические обобщения и выводы автора; особенно ценна характеристика Илурата и его роли в исторической жизни Боспора.

В статье В. Д. Блаватского «Исследования города Пантикапея» анализируются данные послевоенных раскопок на горе Митридат. Отмечая расширение городской территории и продолжающееся сооружение богатых домов во II в. до н. э., В. Д. Блаватский видит в этом некоторый подъем, который испытывал Боспор в первой половине II в. до н. э. Тем самым автор высказывает положение, противоположное установившемуся в советской науке мнению о прогрессирующем увядании Боспорского государства в этот период, впервые подробно аргументированному С. А. Жебелевым¹ (стр. 50 сл.). Нам кажется мнение В. Д. Блаватского неубедительным, а доводы недостаточными. Его наблюдения не могут опровергнуть вывода С. А. Жебелева об уменьшении доходов царской казны вследствие сокращения обрабатываемой земли из-за неуплаты дани скифам и ввиду сокращения хлебного экспорта. О слабости Боспора свидетельствует бессилие Перисада перед лицом притязаний «варваров», обусловленное ослаблением экономической и военной мощи государства, что и повлекло за собой в конце концов передачу царства Митридату.

В трактовке В. Д. Блаватским положения Боспора в этот период недостаточно учтено значение классовой борьбы, а между тем она была тесно связана с указанными выше явлениями ослабления государства и вылилась позднее в восстание, возглавленное Савмаком. Эти явления в социальной жизни Боспора согласуются с археологическими наблюдениями В. Д. Блаватского, отражающими рост имущественного неравенства, обогащения части городского населения за счет эксплуатации бедных и бесправных. Аналогичная обстановка столетием раньше засвидетельствована в Ольвии декретом в честь Протогена и материалом раскопок, показывающих расширение города за счет сооружения богатых жилых кварталов².

Последующее изменение облика Пантикапея, выразившееся во внедрении в черту города сельскохозяйственных сооружений (стр. 52 сл.), следует объяснить не изменением этнического состава населения, а началом разложения рабовладельческого строя, изменением характера экономической жизни всего Боспора и социально-экономическим развитием местных этнических слоев, которые постепенно вытесняли греков с их прежних позиций общественной верхушки. Значительную роль сыграло уменьшение внешней торговли и переход на использование местных хозяйственных ресурсов³.

М. М. Худяк в статье «Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее» делает вывод о существовании здесь в предколониальный период скифского селища. Возникновение греческой колонии он датирует VI в., сооружение святилищ — VI и V вв. и оборонительную стену — IV в. Строительные остатки I—III вв. н. э. рисуют Нимфей преимущественно как сельскохозяйственное поселение, отражая постепенный упадок торговой активности города.

Рассмотренные статьи представляют большую ценность, так как, знакомя широкие круги читателей с результатами раскопок, они одновременно дают новые широкие исторические обобщения ряда принципиально важных выводов.

¹ См. С. А. Жебелев, *Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре*, ВДИ, 1938, № 3; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, М.—Л., 1949, стр. 280, 298, 300.

² Подробности см. в статье Н. В. Шафранской, ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.

³ Ср. работу И. Б. Зеест, стр. 161 и 165 рецензируемого сборника.

А. П. Иванова в научно-популярной статье «Боспорская живопись» дает краткое описание и оценку важнейших росписей боспорских склепов. Вопреки мнению буржуазных ученых, считавших боспорские памятники лишь посредственным подражанием греческим образцам, А. П. Иванова оценивает эти памятники как высоко художественные произведения, свидетельствующие о самобытности и оригинальности творчества боспорских живописцев. В этом отношении статья представляет несомненный интерес, не говоря уже о ее общей познавательной ценности.

К. Э. Гриневич в статье «Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н. э.)» дает общее описание этого знаменитого могильника, краткий обзор склепов и их богатейшего инвентаря. Общая датировка могильника серединой или второй половиной IV в. до н. э. (стр. 129) вряд ли может быть безоговорочно принята. Сам автор датирует некоторые из расписных ваз из склепов Юз-Обы 380—360 гг. (стр. 135, 146), что заставляет отодвинуть несколько вглубь датировку могильника. Кроме того, новые исследования так называемых керченских ваз предлагают более раннюю дату их возникновения¹, что в статье К. Э. Гриневича обойдено полным молчанием.

Статья Д. Б. Шелова «Автономные монеты боспорских городов как исторический источник» показывает, какой обширный круг вопросов экономической, политической и культурной жизни Боспора может быть освещен с помощью углубленного изучения монет, в частности выпускавшихся городскими общинами Боспора, и намечает ряд конкретных задач в области исследования нумизматики Боспора.

Информация о полевых исследованиях в виде кратких отчетов и публикаций материалов раскопок дана в статьях Н. Т. Крушликовой, Н. В. Анфимова, В. В. Веселова и Л. И. Чуистовой.

Н. Т. Крушликова в статье «Раскопки древнего Киммерика» излагает результаты работ за 1947—1950 гг. Ей удалось вскрыть древнейший культурный слой и жилую землянку с очагом, обломки лепных сосудов и кремневые орудия, относящиеся к киммерийскому поселению, слой, содержащие остатки VI—IV, III—II вв. и первых веков нашей эры. Материалы этих раскопок, особенно остатки киммерийского поселения, представляют несомненно большой научный интерес.

В статье Н. В. Анфимова «Позднесарматское погребение из Прикубанья» дано описание грунтового погребения, обнаруженного случайно на территории древнего городища в станице Воронежской. Инвентарь, датируемый III в. н. э. и состоящий из золотых украшений, керамики и набора хозяйственных предметов из металла, представляет значительный интерес для изучения культуры кочевого и полукочевого сарматского населения Прикубанья.

Статья В. В. Веселова «Древние городища в районе Синягино» посвящена результатам раскопок в районе поселков Опасное, Жуковка и Синягино, где предпологается местонахождение боспорских поселений Парфения и Порфмия. Автор локализует Парфений к северу от Опасного, а Порфмий — к западу от Жуковки.

В статье Л. И. Чуистой «Курганные гробницы, открытые в 1950 г. в районе Тиритики», описаны два подкурганных склепа, случайно открытые на северной окраине Аршинцева. Оба склепа были разграблены. Скудные остатки инвентаря позволяют датировать сооружение склепов III в. до н. э., однако, второй — монументальный склеп продолжал использоваться для захоронений вплоть до первых веков нашей эры.

В статье «К вопросу о боспорских амфорах» Н. Б. Зеест останавливается на двух группах боспорских амфор IV — начала III в. до н. э. и II—III вв. н. э. Автор считает, что место производства этих амфор было недалеко от основных центров виноделия, выявленных раскопками на Керченском полуострове.

¹ Шефольд (K. Schefold, Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin — Leipzig, 1934) относит начало их производства к 380 г., а М. М. Кобылина (МИА, XIX, стр. 136—138) убедительно показала, что их возникновение следует датировать значительно более ранним временем.

Исследование И. Д. Марченко «О терракотовых антефиксах Пантикапея» посвящено группе мало изученных памятников Северного Причерноморья. Автор убедительно отделяет местные изделия этого рода от привозных и датирует выделенные ею пантикапейские антефикисы временем с IV в. до н. э. по I в. н. э. Вызывает сомнение один из ее выводов. Публикуя антефикс с головой Гелиоса (стр. 174, рис. 3), определяемый как изделие одного из островных центров Эгейского моря и датируемый ею VI—V вв. до н. э., И. Д. Марченко делает вывод о применении в Пантикапее черепичной кровли уже в столь раннее время. Предположение И. Д. Марченко, опровергающее установившееся в науке представление о почти полном отсутствии на Боспоре кровельной черепицы до конца V в., не находит подтверждения в публикуемом памятнике; трудно согласиться с отнесением его к столь раннему времени. Изображения головы Гелиоса в лучистой короне появляются только в V в. до н. э.¹

Исследование отдельных исторических проблем посвящены работы Э. И. Соломоник и Ю. С. Крушкол.

Статья Э. И. Соломоник «О скифском государстве и его взаимоотношениях с городами Северного Причерноморья» посвящена очень важному вопросу и несколько выходит из рамок собственно боспорской тематики. Наиболее удачной частью работы является описание скифского государства в Крыму. Удачно используя письменные и археологические источники, автор рисует развитие скифского государства, высокий уровень материального производства, экономические и торговые связи, его взаимоотношения с Ольвией, Херсонесом и Боспором. Свежо и интересно комментирует Э. И. Соломоник события, связанные с походом Днофанта. Однако в спорный вопрос о времени возникновения государства у скифов и его первоначальных центрах, по существу, не внесено ничего нового. Автор без какой-либо аргументации принимает точку зрения ученых, определяющих власть Атея как власть царя, правителя государства. Недостаточно критическое отношение к письменным источникам приводит автора к ряду необоснованных выводов и неправильному, по нашему мнению, пониманию отдельных терминов в древних текстах. Составившись на разъяснение Маркса, что слово *ἡ βασιλεία* у греческих писателей служит обычно для обозначения военной демократии с ее отличительным признаком — военным предводительством (стр. 107), Э. И. Соломоник не поясняет, почему под термином *гег*, встречаемым в латинских текстах не ранее второй половины I в. н. э. (греческий термин *βασιλεύς* в применении к Атею неизвестен), следует здесь понимать царя, а не предводителя племенного союза, распавшегося после смерти Атея на менее значительные объединения. В тексте Фукидида никак нельзя найти отражения процесса «сложения скифской государственности» (стр. 108). Не помогает этому и неудачная, с нашей точки зрения, попытка «исправить» перевод Р. Ф. Мищенко фразы Фукидида *Σκῆθαις ὁμοῦναιμονοῦσι πᾶσιν τυττῆται*. Неубедительность этой попытки подтверждается и контекстом отрывка². Э. И. Соломоник преувеличивает также пределы территории, подвластной Атею («от Дуная до Азовского моря, включая часть Крыма», стр. 109), в то время как Страбон лишь неопределенно говорит о его господстве «над большинством здешних варваров». Автор безоговорочно именует «царями» вождей племен фатеев (Арифарна) и скифов (Агара) (стр. 114), с чем, конечно, нельзя согласиться.

Характеризуя скифское государство в Крыму, Э. И. Соломоник преувеличивает его силу и культурный уровень. Между тем о низком уровне его развития говорит отсутствие собственного чекана монет (монеты с портретами скифских царей, выпускавшиеся греческими городскими общинами, здесь не могут быть приняты в расчет) и письменности. Как известно, письменность использовалась скифами только для внешних сношений. Преуменьшено также значение греческого влияния на сложение культуры Крымского государства скифов.

В статье совершенно не освещен существенный вопрос о взаимоотношениях

¹ Ср. статью Helios в RE, VIII, 88—89.

² См. Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949, стр. 89.

скифского государства с племенами Северного Причерноморья, игравшими большую роль в эпоху процветания скифского государства.

Ю. С. Крушкoл в статье «К вопросу о киммерийцах» сообщает некоторые соображения в связи с этой важной, но неясной проблемой истории Северного Причерноморья. Она вступает в энергичную полемику с мнением, отрицающим реальность пребывания киммерийцев в Северном Причерноморье. Ее полемический задор бьет мимо цели, так как известно, что никем из наших ученых это мнение не было принято. Вряд ли целесообразно также серьезно доказывать историческую ценность свидетельств античных авторов о киммерийцах, ибо значение их никем не ставилось под сомнение. Однако разбор этих свидетельств в статье Ю. С. Крушкoл не может не вызвать недоумения. Так, ссылаясь на известное место из «Одиссеи» (XI, 12—19), автор совершенно не учитывает разновременных наслоений в поэмах Гомера, в частности в «Одиссее», вплоть до VII в. Нельзя согласиться и с отождествлением географических представлений Гомера, Гекатея и Геродота о Северном Причерноморье.

Серьезные возражения вызывает также попытка автора датировать склеп «Золотого Кургана» второй половиной II тысячелетия до н. э. Сравнивая план и конструкцию этого памятника с «Сокровищницей Атрея», Ю. С. Крушкoл ссылается на устаревшую «Историю искусства» Перро, изданную почти 60 лет тому назад, игнорируя новую литературу по этому вопросу. Сооружение купольных гробниц после гибели микенской культуры продолжалось в различных частях Эгейского бассейна еще в течение ряда веков, в частности во Фракии — до V—IV вв. до н. э.¹ Да и «Гробница Тантала», с которой Ю. С. Крушкoл сравнивает «Золотой Курган», по мнению некоторых ученых, аналогична гробницам лидийских царей VI в. в районе Сард, и в конструктивном отношении не может быть сближаема с «Золотым Курганом». Кроме того, кладка внешнего покрытия «Гробницы Тантала» возведена из сравнительно небольших камней и представляет не «циклопическую», а «полигональную» кладку². Микенские купольные гробницы, и в том числе «Сокровищница Атрея», как известно, представляли вырытые в материковой породе наподобие пещер подземные камеры с ведущим к ним входом — дромосом. Для предотвращения обвала породы они облицовывались камнем изнутри. Между тем склеп «Золотого Кургана», подобно другим подкурганам склепам Боспора, представляет возведенную на поверхности земли каменную постройку, поверх которой нанесена земляная насыпь. Следовательно, эти памятники в конструктивном отношении принципиально различны. К тому же круглое в плане помещение микенских гробниц служило местом для отправления культа мертвых; для саркофага же делалась специальная боковая камера. Между тем в «Золотом Кургане» круглое помещение служило усыпальницей. Крушные каменные блоки в «Золотом кургане» использовались не в конструктивных целях, а лишь для внешней облицовки, предохранявшей насыпь от оползания. Ничего подобного нет в погребальных сооружениях микенского периода. Так называемая циклопическая кладка использовалась в Греции для строительства крепостных сооружений. Кроме того, археологический материал, относимый к так называемой киммерийской эпохе, который считают возможным связывать с киммерийцами (каменные антропоморфные стелы из Тиритак, жилые землянки, каменные орудия и керамика эпохи бронзы из Тиритак, Мирмекия, Илурата и Киммерика), свидетельствует о том, что местное население (в том числе и киммерийцы) не только во второй половине II, но и в начале I тысячелетия до н. э. стояло на значительно более низкой ступени развития, чем создатели склепа «Золотого Кургана». Поэтому данный склеп скорее всего следует отнести к наиболее ранним памятникам боспорской архитектуры этого рода и датировать его концом V и началом IV в.

¹ См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 263, где приведена соответствующая литература.

² Springer-Michaelis-Wolters, Kunst des Altertums¹⁰ (1915), стр. 105; Butler, Sardis I, стр. 8.

В статье Л. И. Ч у и с т о в о й «Фонды Керченского музея», в разделе, посвященном эпиграфическим памятникам, почти не уделено внимания значению их как письменного документа и вообще говорится только о надгробиях. Между тем в Керченском музее хранится много ценных эпиграфических документов для изучения политической, социальной и культурной истории Боспора: списки граждан, посвящения божествам, подписи под статуями царей, императоров и должностных лиц, отпускные рабам, надписи религиозных обществ и т. д. Включение этого материала в описание фондов и краткая характеристика его значения очень обогатили бы статью и привлекли бы к этим памятникам внимание широкой общественности.

Подводя итоги нашего обзора, позволим себе высказать следующие пожелания. При издании последующих сборников было бы желательно отвести достаточное место статьям, суммирующим результаты археологических исследований, а также описаниям важнейших памятников истории, археологии и искусства Боспора. Целесообразно также включать в сборник статьи об организации охраны раскопок городищ и могильников, консервации и реставрации археологических и исторических памятников. Хотелось бы видеть в сборнике и статьи о деятельности Музея, исследования и публикации хранящихся в нем памятников и т. д. Расположение статей должно носить более систематический характер, чего легко достигнуть, разбив сборник на соответствующие разделы.

В заключение позволим себе отметить некоторые досадные недоразумения, связанные с редактированием: так, в статье И. Т. Кругликовой на стр. 67 при описании развалин крепости на горе Онуа дается ссылка на рис. 3, между тем рис. 3 изображает терракотовую статуэтку. В статье А. П. Ивановой на стр. 203 дана ссылка на рис. 8, который вообще отсутствует. Крымиздату надлежит обеспечить более удовлетворительное воспроизведение иллюстраций, с тем чтобы они могли служить настоящим научным документом, дающим читателю четкое представление о публикуемом памятнике.

Пожелаем коллективу Керченского музея не останавливаться на достигнутом и продолжать начатую им и заслуживающую всяческого признания деятельность по подготовке и изданию книг, посвященных истории и археологии восточного Крыма и Таманского полуострова.

А. И. Болтунова